

Лицо Чунмина стало мертвенно-бледным, его рвало, а все тело сотрясала дрожь. В ушах стоял звон, а из глубины души поднималась непреодолимая дрожь. Картинки из сна снова и снова прокручивались у него в голове, настолько четкие, словно он переживал их наяву. Тошнота, гнев, отчаяние, ненависть... Поток негативных эмоций полностью окутал его.

Это едва не сломало его.

Чунмин присел у унитаза, его вырвало так, что казалось, он выплюнет даже желчь. В конце концов, из него уже больше ничего не шло, он лишь сухо сглатывал, а слезы текли ручьем по щекам.

Это было невыносимо.

С восьми лет Чунмин не плакал так горько. Слезы лились как из ведра, остановить их было невозможно.

Руки и ноги стали ватными, все тело обессилело. Если бы он не собрал всю волю в кулак, он бы просто рухнул на пол.

Неизвестно, сколько времени он провел, извергая содержимое желудка, но наконец ему стало легче. Собрав последние силы, он встал, дрожащими руками умылся, прополоскал рот и, опираясь на стену, решил пойти к старшему брату. Прошлый опыт подсказывал: стоит только коснуться его руки, как страдания отступят.

Чунмин, шатаясь, вышел из комнаты, но тут же вспомнил, что не знает, где живет старший брат. В прошлый раз его проводил слуга.

Ах да, телефон! Он оглянулся на комнату, выражение лица было полным раскаяния. Но он с таким трудом заставил себя выйти наружу, что возвращаться не хотелось. Пришлось, волоча бессильное тело, идти к лестнице.

К счастью, Вэй Шуфан, похоже, тоже проснулся. Цзин Хай вместе со слугой поднимался вверх как раз в тот момент, когда Чунмин, едва стоя на ногах, *stumbled out*.

— Господин Чун! — Цзин Хай испугался и поспешно шагнул вперед, поддерживая его. — Что случилось?

Чунмин, почувствовав опору, расслабился, и половина сил его покинула. Он чуть не обмяк, губы его дрожали:

— Отведи меня к старшему брату...

Цзин Хаю эта сцена показалась смутно знакомой. У него была отличная память, и он сразу вспомнил происшествие, случившееся чуть больше двух недель назад. Он поспешил поддержать Чунмина и повел его в комнату начальника.

Комната Вэй Шуфана находилась рядом с комнатой Чунмина. Цзин Хай, поддерживая его, постучал и вошел. Вэй Шуфан как раз закончил переодеваться и надевал пиджак.

Он всегда одевался в костюм, закрывая тело с головой, даже в самый жаркий летний день.

Увидев входящих, он застегнул пуговицу, и пиджак расстегнулся:

— Чунмин?

Голова Чунмина раскалывалась от боли. Сильные негативные эмоции растекались от сердца по всем конечностям, даже кончики пальцев болели. За всю жизнь он никогда не испытывал такой боли. Перед Цзин Хаем он еще мог держаться, но, увидев старшего брата, лицо его исказилось от обиды.

— Старший брат...

Цзин Хай усадил его на диван.

Вэй Шуфан, забыв о трости, быстро подошел. К счастью, он только что хорошо отдохнул, и эти несколько шагов смог пройти без опоры.

— Старший брат, мне так плохо...

У Чунмина снова предательски защипало глаза. Он чувствовал себя ужасно обиженным. Кошмар пришел внезапно, и для него это уже не был просто сон.

Это было страшнее кошмара. Если бы это был обычный сон, он бы просто проснулся и забыл. Но это было нечто иное. Это было ужасно, словно кто-то насильно втолкнул воспоминания ему в голову. Физическая и психологическая пытка. Если это повторится еще несколько раз, он точно сойдет с ума.

Вэй Шуфан снял перчатку и взял его за руку, понизив голос:

— Все в порядке, я здесь.

Стоило ему утешить, как Чунмин тут же покраснел, а последняя сила воли, которой он держался, исчезла. Он весь обмяк на диване.

В следующую секунду те холодные, отчаянные эмоции, словно вода, хлынувшая из прорвавшейся плотины, ринулись через соприкоснувшиеся руки к Вэй Шуфану. Они словно упали в безбрежный океан, не вызвав даже ряби, и мгновенно рассеялись.

На глазах лицо Чунмина стало спокойнее. Хотя оно не сразу вернуло прежний румянец, но и прежняя мертвенная бледность исчезла.

— Опять сон? — Вэй Шуфан на этот раз не стал сразу разжимать руку.

В голове Чунмина снова всплыли картины из сна. Хотя эмоции его больше не терзали, ему все равно было не по себе. Даже при всей его наивности в человеческих делах он понимал, насколько ужасно то, что произошло во сне. На этот раз это была не тошнота от сопереживания, а отвращение наблюдателя, осознающего происходящее.

— Мне приснилось... — Он немного помедлил, а затем рассказал о том, что видел во сне.

Даже Цзин Хай, не говоря уже о Вэй Шуфане, выглядел неприятно.

Пока Чунмин говорил, он почти полностью пришел в себя. Судя по лицу, он уже выглядел как обычно, словно все, что произошло, было иллюзией.

— Мне нужно спросить у учителя, — нахмурился он. Эти сны явно не случайны. Учитель точно что-то знает!

Внезапно он резко поднялся, лицо его выразило легкую панику:

— И Сяо Фан! Мне приснилось, что с Сяо Фан случилась беда!

В его глазах читалось смятение:

— Нет, это не сон. Это точно не просто сон! Два сна подряд, и оба такие четкие. Я чувствую, что это какое-то предзнаменование.

— Старший брат! — Он схватил Вэй Шуфана за руку. — Ты можешь помочь мне найти Сяо Фан?

Когда он увидел, как легко Цзин Хай нашел информацию о Чжан Сыхань, он думал попросить его помочь найти Сяо Фан, но потом решил, что это будет не совсем правильно по отношению к ней, и отказался от этой идеи.

Несколько дней назад, когда в школе, где училась Сяо Фан, начался учебный год, он сходил туда и узнал, что она поступила в Университет G. Но время начала учебы в университете и школе разное, в Университете G занятия начнутся только в конце сентября. Ему пришлось вернуться и ждать.

Но теперь этот внезапный сон вызвал у него плохое предчувствие. Ждать больше нельзя.

Для Вэй Шуфана Чунмин был его младшим братом и другом, которого он хотел приобрести. Если бы не случилось ничего непредвиденного, он стал бы его первым другом. И в его понимании, с друзьями нужно быть искренним и помогать им от всей души. Первая просьба друга должна быть выполнена.

Он сказал:

— Хорошо, я попрошу Цзин Хая заняться этим.

— Спасибо, старший брат, — Чунмин выдохнул, но тревога на его лице не исчезла.

Беспокойство Чунмина не утихло даже после возвращения Хуа Мао. За это время он звонил учителю, чтобы спросить про сны, но тот сказал, чтобы он приехал и поговорил лично. Это только усилило его тревогу.

В отличие от Чунмина, Хуа Мао вернулся в приподнятом настроении, он словно парил по воздуху, улыбался так, что за его спиной, казалось, сыпались лепестки. Его персиковые глаза не переставали «стрелять» молниями.

Цзин Хай с отвращением посмотрел на него:

— Не говори мне, что сестра Жун согласилась? Хотя он и поверил, что у Хуа Мао Судьба Цветущего Персика, он не думал, что сестра Жун примет его.

Хуа Мао хихикнул:

— Нет, но она и не отказала! Раньше она бы точно проигнорировала меня и ушла, но в этот раз она не ушла, и даже заговорила со мной!

— Что она сказала?

— Вали, она мне сказала: «Вали», — Хуа Мао закрыл лицо руками, с глупой улыбкой. — Это слово, произнесенное ее устами, растопило мое сердце. Ты представляешь, как величественно она это сказала? Что мне делать, я люблю ее еще сильнее...

Чунмин молча потер руку, внезапно почувствовав холод.

Цзин Хай смотрел на него с выражением «я этого не вынесу».

Вечер наступил незаметно. После ужина Чунмин достал из сумки вещь, которую ему дал учитель, — маленький нефритовый колокольчик, чисто белый и блестящий, изящный и крошечный, размером с ноготь. Это был тот самый духовный предмет, который он получил от Чжан Сыхань в прошлый раз.

После обработки учителем, если Чунмин будет носить этот колокольчик, он сможет скрывать свою ци и больше не должен будет беспокоиться, что призраки почувствуют его издалека и убегут.

Он подумал, нашел красную шнурок, нанизал на него колокольчик, получился браслет, и надел его на запястье.

Хотя колокольчик и скрывал его ци, он также немного ослаблял его способности. Но он не почувствовал злого умысла в той иньской ци, так что, вероятно, проблем не будет.

З закончив приготовления, компания из четырех человек снова отправилась на виллу Хуа Мао.

Для удобства Хуа Мао уже отпустил прислугу, даже дядю Хуа уговорил вернуться в старое поместье. В ярко освещенной вилле остались только они четверо.

Время шло, ночь становилась все глубже.

Из-за событий дня Чунмин был вялым и апатичным. Даже самые смешные шоу по телевизору не могли заставить его улыбнуться. Он сидел на диване, уставившись в одну точку.

Вэй Шуфан и так был немногословен, а Цзин Хай с Хуа Мао не решались заводить с ним разговор просто так. Видимо, думая о предстоящей бессонной ночи, он прислонился к спинке дивана и закрыл глаза, накапливая силы.

Хуа Мао, хоть и хотел поболтать о жизни, но, хотя он обычно не боялся фильмов ужасов, зная, что это выдумка, теперь, когда выдумка стала реальностью, даже самый смелый человек мог струсить.

<http://bllate.org/book/16737/1539942>